

Г.В.ПОТАШЕНКО

ЭМИГРАЦИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ В ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ: 1700—1760

Эмиграция старообрядцев в великое княжество Литовское (далее — ВкЛ) является важным, но малоизученным вопросом. В XIX и XX вв. историки старообрядчества в своих трудах касались лишь отдельных эпизодов этой эмиграции. Авторы работ, носящих обзорный характер, считают, что эмиграция великорусов в Речь Посполиту, начавшаяся во второй половине XVII в., в XVIII в. стала массовой и в итоге привела к возникновению многочисленных старообрядческих поселений, а также приходов в разных местах обширного государства. Некоторые аспекты этого переселения, связанные с формированием старообрядческих (беспоповских и поповских) приходов, с ходом миграции в первой половине XVIII в. и мерами российского правительства по уменьшению исхода подданных России, нашли отражение в трудах о старообрядцах Литвы и Беларуси (1). Однако обобщённая характеристика процесса переселения старообрядцев собственно в ВкЛ, особенно в западную его часть, и анализ породивших его факторов в историографии отсутствует. В то же время, старообрядцы и их переселение в Латвию (2), в Польшу (3) и частично в Беларусь (4) во второй половине XVII и в XVIII вв. привлекли внимание исследователей этих стран.

В данной статье попытаемся проанализировать мотивы эмиграции старообрядцев из России за рубеж, а также время и место возникновения их приходов в ВкЛ в первой половине XVIII в. Особое внимание уделим эмиграции россиян в западную часть ВкЛ (Вильнюсское и Тракайское воеводства), на территории которой позже, в XX в. сформировались Старообрядческие Церкви в национальных государствах Литвы и Польши.

Возникновение организованного федосеевского общества в XVIII в. в Речи Посполитой было следствием массовой эмигра-

ции старообрядцев, связанной с волнениями крестьян в России и уходом их со своих мест жительства. Поэтому переселение старообрядцев в Речь Посполиту стало одним из важнейших факторов становления старообрядческих беспоповских приходов в Балтийском регионе. Другими важными факторами были жестокие религиозные гонения на староверов на родине; относительная терпимость к ним со стороны правительства Речи Посполитой, дворян и католической Церкви; а также широкая, активная и успешная проповедь своего учения Феодосием Васильевым и его последователями как в России, так и за рубежом.

Мотивы эмиграции. Несомненно, что успех старообрядчества в Литовском княжестве, Курляндии и Инфлянтах в значительной степени поддерживался крестьянской миграцией, начавшейся после закрепощения крестьян в Московском государстве (Уложение 1649 г.) и распространения “на веки” крепостной зависимости на всё новые слои населения (свободных людей, холопов), осуществленной после проведения в жизнь податной реформы при Петре I. Усиление религиозного фанатизма при патриархе Иоакиме, не любившем церемониться с врагами и рассматривавшем церковных “непокорников” просто как дезертиров или ослушавшихся начальства солдат, и государственная политика религиозного преследования содействовали массовому движению русских старообрядцев за западную границу. Хотя с 1716 г. церковная политика Петра I стала мягче и в ней отказались от жестоких преследований старообрядцев, их положение в русском обществе до Петра III оставалось по сути нелегальным и в церковном, и в гражданском отношении. Двойные налоги для старообрядцев были, несомненно, мерой наказания, а не попыткой постепенно предоставить им некоторые гражданские права, сохраняя на первых порах экономические санкции и религиозные запреты, как это будет при Екатерине II.

Мотивы, стимулирующие русскую эмиграцию в Речь Посполиту, были различными. Многие переселенцы, как это было во время ранних потоков эмиграции из Московской Руси, надеялись найти за западной границей более подходящее место жительства и улучшить свое крайне стеснённое имперскими налогами, поборами, а также помещичьим и чиновничьим произволом общественное и социальное положение. Некоторые отправились за грани-

цу, поскольку польские и литовские дворяне охотно принимали и оберегали русских переселенцев в своих опустошённых войнами, неурожаем и эпидемиями чумы имениях. Заселению Речи Посполитой также способствовало географическое положение государств, а именно огромная протяжённость общей границы, надёжно не прикрытая ни с польской, ни с российской стороны. Однако крайне важной при переселении была собственно религиозная мотивация. Чаще всего старообрядцы, объясняя причины ухода, упоминают религиозные преследования на родине и стремление церковных властей “лютою жестотою” удержать и вернуть свою паству в патриаршую Церковь. В других случаях (например, в случае федосеевцев около Русаново) переселенцы были заинтересованы в развитии своей собственной формы поклонения или, по словам автора “Жития Феодосия Васильева”, он “желателен убо зело бяше за древнее святоотеческое содержание усердно душу свою положить” (5). Таким образом, переселения великорусов из Псковской, Новгородской, Тверской, Смоленской и других земель в Речь Посполиту нельзя отделять от желания перенести туда их собственную религию. Надлежит также иметь в виду, что специфическим мотивом ухода и эмиграции первых старообрядцев, особенно беспоповцев, было напряжённое эсхатологическое чувство и порыв, так как с их точки зрения пришли “последние времена”, старообрядцы считали для себя невозможным жить в обществе и государстве, где воцарился духовный или физический антихрист; их мироощущение подсказывало “бегать и таиться”. “Побегайте и скрывайтесь за имя Исус Христово. Зело бо есть нужда прииде, и самое прискорбное житие; нужно бо есть царствие небесное, и нуждницы восхищают е. И ныне спасаай, спасет душу свою, велик будет в царствии небесном”, — пророчески поучал в своём сочинении, написанном, видимо, в архиерейской тюрьме, в Новгороде, перед смертью Феодосий Васильев (6). Надо заметить, что практические выводы о бегстве от антихристовых властей в атмосфере стихийного антикрепостнического протеста для немалой части верующих, находившихся далеко за пределами убежденного ядра ревнителей староверия, были важнее проблемы исчислений времени “конца света” или проблемы изменений в восьмом члене Символа веры (второе пришествие Христа). Массовые потоки россиян устремились как на

Запад (Речь Посполита), так и на Восток (Сибирь) (7). Большинство старообрядцев северо-восточной части Речи Посполитой становились беспоповцами, среди которых в XVIII и начале XIX вв. преобладало федосеевство. Массовое переселение людей происходило в основном стихийно, хотя со временем проводники и агитаторы стали осуществлять его в более организованном порядке. Это позволяло лучше подготовить средства и план действий, необходимые для успеха такого рискованного и тяжелого предприятия.

Новые старообрядческие поселения и приходы в великом княжестве Литовском. Во время петровских преобразований прилив в Речь Посполиту старообрядцев, беглых крестьян, посадских и разных служилых людей ещё более усиливался и приобрёл особый размах (8). Этому отчасти способствовали и условия внутренней жизни ВкЛ: после кризиса середины XVII в., экономической разрухи и демографического кризиса начала XVIII в., когда к 1717 г. в ВкЛ почти вдвое уменьшилась численность хозяйств и на 46% упала численность населения по сравнению с серединой XVII в. (9), началось хозяйственное возрождение. Религиозная свобода, которой не могли пользоваться местные православные, привлекала в ВкЛ многих староверов. Хозяйственные льготы, провозглашаемые и предоставляемые новопоселенцам в то время в ВкЛ, а также отсутствие стеснительных обязанностей к панам манили массу крестьян из соседних великорусских пограничных областей. Прекрасной иллюстрацией этому являются донесения в столицу весной и летом 1723 г. воевод и дворян Новгородской, Псковской и других провинций северо-западной России. В них содержатся просьбы ускорить строительство застав на западной границе и усилить борьбу против побегов. Дворяне Псковского, Великолукского, Торопецкого и Пусторжевского уездов в своей челобитной Петру I от 7 июля 1723 г. жаловались на то, что крестьяне делают им "многие воровства и обиды". Необходимость платить налоги и повинности за беглых крестьян привела их "во всеконечную скудность". Дворяне просили восстановить должность специального пограничного судьи, который ранее ведал розыском бежавших в Польшу и Литву людей и решал все спорные дела о побегах. Эта просьба помещиков была удовлетворена (10). Ещё в 1723 г. на русско-польско-литовской границе для розыска и следствия по

делам о побегах и разорении как с российской, так и с польско-литовской стороны были поставлены в обоих государствах пограничные комиссары в 3 местах: со стороны Киева, Смоленска и Пскова. Согласие это было достигнуто польским послом в России мазовецким воеводой Хоментовским и утверждено указом Петра I. Однако данный договор, как следует из челобитных псковских дворян в 1723 г., по-видимому, на практике был осуществлен не сразу. Известно, что в 1736 г. должности пограничных судей или комиссаров вновь учредил и сейм Речи Посполитой (11).

Стихийный (“народный”) процесс крестьянского движения и малодейственные попытки российских властей уменьшить его продолжались и в XVIII, и в XIX вв. (12). Старообрядческая эмиграция и бегство крестьян из-за обострения социального напряжения в России были параллельными и взаимоусиливающими друг друга процессами, которые частично сливались, а в XVIII в. порой протекали в одном русле. Не столь многочисленные сведения о старообрядческих переселениях нередко “тают” в исследованиях социальных движений. Поэтому обзор переселения крестьян и посадских людей в Польшу и Литву позволяет воссоздать и картину старообрядческой эмиграции сюда.

В результате непрекращающегося наплыва эмигрантов из России на нынешней территории балтийских стран в первой половине XVIII в. возросло число русских поселений, которые являли собой либо чисто русские деревни, либо смешанные с местным населением поселения. Особенно интенсивно в начале XVIII в. происходил рост русского населения в Илукском уезде Курляндии и соседних с ним поветах Литвы (13).

Новые архивные находки позволяют утверждать, что множество русских эмигрантов семьями и группами уже в первой трети XVIII в. жили не только в восточной (Беларусь), но и в западной части ВкЛ, то есть и на территории нынешней Литвы. В сентябре 1735 г. Сенату из канцелярии генерал-губернатора Лифляндии было послано краткое изложение допросов русских беглых крестьян, доставленных в Ригу из Речи Посполитой, которые 2 июля того же года с семьями были отправлены с сержантом рижского гарнизона Эзельского полка Л.Связовым в Псков и далее на прежние места их проживания. Эти любопытнейшие документы показывают, что только за один год пойманных или вернувшихся из

Речи Посполитой русских эмигрантов, зарегистрированных чиновниками Лифляндской генерал-губернаторской канцелярии, насчитывалось несколько сотен. Впечатляет и география распространения русских эмигрантов (к сожалению, их конфессиональная принадлежность не отмечалась, но среди них могли быть как старообрядцы, так и новообрядцы): они жили и на востоке, и на северо-востоке ВкЛ: в Речицком повете Минского воеводства, Дисненском повете Полоцкого воеводства, в Гродно, — и на западе: в Браславском и Поставском поветах Вильнюсского воеводства, Тракайском, Каунасском поветах, в Каунасе, Биржай и Пакруоисе Тракайского воеводства, Кражяйском, Варняйском поветах, местечках Шаукенай, Лаукува, Жагаре Жемайтского княжества (14). Русские эмигранты находили себе приют главным образом в имениях и деревнях литовских дворян, в том числе у шляхтичей Яна Липницкого и Казимера Панисевича в Каунасском повете, у шляхтича Ячевича в Кражяйском повете, в местечке Пумпяны “за шляхтичами” Чесновичем, Минским и Корсаком, в Пакруоисе у пана Забелы. Есть немало указаний, что великорусы селились и на землях, принадлежащих католической Церкви, и в королевских вотчинах: в местечке Орми (Варняй) “за бискупом Александром Райном”, в “Жмудском повете за ксендзом Яцевичем”, в Рауденской парафии у ксендза Павловского и в королевской вотчине пана Яцевича в местечке Жагаре.

Сведениями о количестве слобод, населённых русскими беглецами на востоке ВкЛ в начале 1750-х годов, наполнены ведомости Военного министерства. Особенно много русских жило в Ветке, Романовке, Тарасовке и других слободах, принадлежащих режицкому подкоморью Антонию Халецкому (всего 9 слобод и 197 дворов); в Казельской Буде и Горах у хорунжия ВкЛ князя Иеронима Радзивилла (всего 9 слобод и 230 дворов); у Сапеги в Избыне (45 дворов) Мстиславского повета и у подканцлера ВкЛ князя Адама Чарторыского в Гомельском повете и др. (15).

К сожалению, отсутствуют данные, которые хотя бы приблизительно отражали общее количество великорусов, пришедших в ВкЛ в этот период. Однако многие исследователи считают, что в начале XVIII в. переселения внутри России и за границу достигли огромных размеров (16). Согласно указу Сената от 17 сентября 1742 г., только с 1719 по 1736 гг. из своих мест жительства бежало

442 тысячи староверов (17). Многие из них, как сообщают источники, направлялись в Польшу и Литву (18). Современники в России считали, что только за западные рубежи страны к середине XVIII в. бежало до 1 млн. человек. Надворный советник Агей Свечин в своей записке “О проживании в Польше российских беглых” (1759 г.) докладывал в Сенат, что по долгу службы (он заготавливал к покупке провиант и оружие) путешествуя, из разговоров с панами и чиновниками имел случай разведать, “сколь много российских подданных бегом пришедших в Польше, Литве и также Лифляндии, Курляндии, а также близ наших границ обретается, то можно бы ими беглыми самую большую губернию населить”. В мае следующего года тот же русский чиновник выражал своё впечатление о размахе русской эмиграции конкретной цифрой: “Беглых в Польше обретавших превеликое множество не менее ныне до миллиона простирается; из них по большей части все люди зажиточные и в рекруты очень годные и к выезду их и поселению в Россию не так как иностранный народ с великим интересом вызывается” (19).

Соответствует ли эта цифра, приводимая и в других источниках, действительному общему количеству русских эмигрантов в Польше и Литве, неизвестно. Во всяком случае, она довольно красноречиво говорит сама за себя и позволяет судить о силе этого движения. По донесению полковника Панова, отправленного в Польшу и Литву для сыска беглых в 1753 г., их было там до миллиона. Значительное число эмигрантов составляли староверы (20).

В первой половине XVIII в. в ВкЛ возникали все новые старообрядческие приходы. Только на территории нынешней Литвы известно не менее 8 приходов. Надо полагать, их было больше. Вслед за Пушанским, в 1715 г. (или в 1725 г.) был сооружен храм в Поезерцах около Вешинтай, ныне Аникшчяйского района (21). До сих пор существующий Поезерский приход является, видимо, старейшей действующей старообрядческой общиной в современной Литве.

Среди других старообрядческих общин на литовских землях в первой четверти XVIII в. упоминается приход в д.Данилишки около Тракай (22). Архивные материалы подтверждают сведения о том, что великорусы уже в то время переселялись и в юго-восточную Литву. В середине 1710-х годов крестьянин Смоленского уезда

Кастилицкой волости д. Горбунова некий Гаврил Головачёв со своей женой Авдотьей Мартыновой, дочерью “девкой Просковьей вышел за польскую границу” и жил под местечком Дубровней у разных мещан, а 6 лет спустя переселился в Тракайский повет и жил у шляхтича Пучинского. За границей у Головачёвых родились ещё два сына, Степан и Егор, и дочь Анна. В 1735 г. эта семья, по-видимому, русскими войсками была схвачена и доставлена в Ригу, откуда она была отправлена на прежнее место жительства в России (23). Память о давнем заселении Данилишек до сих пор сохранили местные старообрядцы. Летом 1998 г. семидесятисемилетняя жительница Данилишек Надежда Коваленко рассказывала, что старообрядческому храму в деревне “почти что 300 лет”; что это была “первая церковь в [Вильнюсской] округе” (24).

В 1727 г. четвёртый старообрядческий молитвенный храм и приход возник в Пожах около Купишкиса и действовал, видимо, до конца XIX в. (25).

“В сем году 1728-м устроися богоспасаемая обитель в Литве близ местечка Козачизны в Гудишках Евстратом Федосеевичем с братиех в царствование Петра Алексеевича второго”, — сообщает автор “Дегуцкого летописца” (26). Через 9 лет после вынужденного бегства из Ряпиной мызы под Юрьевом (Тарту), Гудишкскую обитель около Дукштаса (ныне Игналинский район) основал настоятель Евстрат Федосеевич, сын Феодосия Васильева. В 1740-х годах сюда пришел серпуховский купец Стефан Афанасьевич. Память о родственниках в России побудила Стефана Афанасьевича тронуться в долгий путь на родину. Достигнув Серпухова, он взял с собой двух сыновей — старшего Иоанна с женой, младшего Никиту и дочь Прасковью и с ними вернулся в Курляндию. Сын Иоанн же отправился в Гудишки (27). Гудишкская обитель, ставшая важным религиозным и культурным центром раннего федосеевства, существовала до 1755 г. (по другим данным до 1758 г.).

Из “Дегуцкого летописца” явствует, что в 1735 г. “близ местечка Езерос в Курляндии устроися моленна благословением Федора Никифоровича в деревне Саманях” (28). Правда, другие архивные данные указывают, что Саманская часовня существует с 1737 г. (29). Деревня Саманяй тогда относилась к Курляндскому герцогству, а местечко Езерос (Зарасай) — к ВкЛ. Граница же

пролежала по окраине местечка (30).

Духовные наставники много потрудились, созидая и распространяя древлеправославие среди русских эмигрантов в Литве, Латвии и северо-западной части Беларуси. Моральным и духовным рвением побуждаемы в 1740 г. два наставника Федор Никифорович и Афанасий Терентьевич благословили устройство храма в д. Войтишки близ местечка Скрудалино в Курляндии (31). Ещё через 2 года “в Литве в деревне Каролишках устроися молитвенный храм благословением духовного отца из Гудишской обители Наума Савельича” (32). В 1756 г. имеется краткое сообщение о восьмом старообрядческом храме на территории нынешней Литвы, построенном в Дегучай Зарасайского района: “Того же лета в Литве остальцами оной Гудишской обители основася вместо той Гудишской в деревни Дегутях Солоцкого ключа моленна благословением Филимона Петровича и Степана Афанасьича, остальцами обительскими, и при ней настоятельство” (33).

Итак, первые старообрядцы поддерживали тесные религиозные, а также торговые и родственные связи не только в Литве, но и с единоверцами в Латвии и в северо-западной части Беларуси. Это способствовало формированию более сплочённого старообрядческого общества и обеспечивало некоторое единство богословия (учения) и правления приходами на новом месте. Важно отметить, что к середине XVIII в. сложившиеся скопления староверческого населения, экономические, родственные, а также церковные связи между приходами в юго-восточной Латвии, северо-восточной Литве и северо-западной Беларуси в основном сохранились до настоящего времени и тем обеспечивают трехсотлетнюю преемственность старообрядчества и его религиозно-культурных традиций (и новшеств) уже в современных обществах балтийских стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Iwaniec E. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich. Warszawa, 1977; Jaroszewicz-Pieresławcen Z. Starowiercy w Polsce i ich księgi. Olsztyn, 1995; Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. Вып. I. Киев, 1895; Прозоров И.А. История старообрядчества. Каунас, 1933; Подмазов А.А. Старообрядчество в Балтийском ре-

гионе. Первое столетие истории, in Religija. Vesture. Dzive. Religiska dzive Latvija. Riga, 1993. S.152—173. О мерах российского правительства в отношении исхода старообрядцев см.: Грицкевич В.П. Массовая миграция русских в Литву и Белоруссию в первой половине XVIII в. как форма классовой борьбы против усиления крепостнического гнета (по опубликованным русским источникам) // Lietuvos Auktuju Mokyklu Mokslo Danbai. Istorija. T.24. Vilnius, 1984. S.69—83.

2. Подмазов А.А. Старообрядчество в Латвии. Рига, 1970; он же. Церковь без священства. Рига, 1973; Заварина А.А. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX—начале XX века: Историко-этнографический очерк. Рига, 1986.

3. Iwaniec. Op. cit.; Jaroszewicz-Picresfawcew. Op. cit.

4. Короткая Т.П., Прокошина Е.С., Чудникова А.А. Старообрядчество в Беларуси. Минск, 1992.

5. Житие Феодосия Васильева, основателя федосеевского согласия, написанное сыном его Евстратом в 7250 году // ЧОИДР. 1869. №2(V). С.78.

6. Васильев Ф. Послание на Выг // Смирнов П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. Приложение. 023.

7. О миграции старообрядцев в Сибирь в XVIII в. см.: Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

8. Подмазов А.А. Старообрядчество в Балтийском регионе. С.158—159; Заварина А.А. Указ. соч. С.18; Iwaniec. Op. cit. S.64; Грицкевич В.П. Указ соч. С.72.

9. Morzyj. Kryzys demograficzny na Litwie i Bialorusi w drugiej polowie XVII wie Ku. Poznan, 1965. S.217; Nuo seniausiu laiku iki 1917 m. T.1. Vilnius, 1985. S.167—168.

10. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С.118.

11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.248. Оп.7. Кн.425. Л.170—170об.

12. Брук С., Кабузан В. Миграция населения России в XVIII—начале XX вв. (Численность, структура, география) // История СССР. 1984. №4. С.42.

13. Заварина А.А. Указ. соч. С.18—20.

14. РГАДА. Ф.248. Оп.7. Кн.397. Л.1171—1190об.

15. Там же. Кн.425. Л.500—502.

16. Лилеев М.И. Указ. соч. С.290—291; Заварина А.А. Указ соч. С.20; Подмазов А.А. Старообрядчество в Латвии. С.24.

17. Юзов И. Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. СПб., 1881. С.31.

18. Житие Феодосия Васильева. С.99; Троицкий С.М. Указ соч. С.118.
19. РГАДА. Ф.248. Оп.113. Л.1—4, 7—9.
20. См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.12. М., 1964. С.220.
21. Список старообрядческих общин в Литовской Республике по состоянию на 1 июля 1992 г., составленный Высшим Старообрядческим Советом // Личный архив автора; Прозоров И.А. Указ. соч.. С.144.
22. Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше. 1931. №2—3. С.27.
23. РГАДА. Ф.248. Оп.7. Кн.397. Л.1187об.
24. Материалы экспедиции 1998 г. Группы по исследованию старообрядцев Литвы. История старообрядчества. Кабинет этнологии исторического факультета Вильнюсского университета.
25. Прозоров И.А. Указ. соч.. С.144.
26. Хронограф, сиречь Летописец Курляндско-литовский // Будагарин В.П. и др. Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. Л., 1990. С.195.
27. Там же. С.204—207.
28. Там же. С.195.
29. Древлехранилище. Латгальское собр. №51. Л.11об.
30. Барановский В. На стезе древлеправославия: Очерк истории Зарасайской старообрядческой общины (1735—1997 гг.) // Старообрядцы Литвы: исследования и материалы (1996—1997). Вильнюс, 1998. С.141.
31. Хронограф. С.196; Завалоко И.Н. История церкви Христовой. Рига, 1990. С.155.
32. Хронограф. С.196.
33. Хронограф. С.196—197, 246. О сооружении Дегуцкого храма в 1756 г. см. также: Библиотека Академии наук. Собрание В.Дружинина. №189. Л.22об.